

УДК 398.22(571.54)

250 лет на земле Бурятии: предания и устные рассказы старообрядцев-семейских как отражение субэтнической общности

© Тихонова Елена Леонардовна

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: tipldk@yandex.ru

В статье рассматриваются предания и устные рассказы старообрядцев Бурятии с точки зрения отражения в них народного понимания тех или иных исторических событий, а также с точки зрения отражения в них субэтнической общности. Стремление старообрядцев сохранить свою идентичность не могло не отразиться в фольклоре, в котором сконцентрирован нравственный, духовный и исторический опыт народа. Анализ преданий и устных рассказов старообрядцев Бурятии показал, что главный фактор, способствующий сохранению субэтнической общности семейских, — это приверженность древней вере отцов. Древлеправославие для прежних старообрядцев являлось главным жизненным ориентиром, давало старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. Отход от религиозных традиций отцов также признается современными старообрядцами и подвергается порицанию, так как это приводит к размыванию границ субэтнической идентичности.

Ключевые слова: фольклор, старообрядцы, исторические предания, устные рассказы, субэтническая общность.

250 years in the lands of Buryatia: legends and verbal stories of the old believers (Semeyskie) as a reflection of sub-ethnic community

Elena L. Tikhonova

PhD, A/Professor, senior research fellow, Department of folklore and literature studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch

6 Sakhyanovoj Str., Ulan-Ude 670047, Russia

The article reviews the legends and verbal stories of old believers of Buryatia from the point of view which reflects people's understanding of certain historical events, and also from the point of view reflecting sub-ethnic community. The desire of the old believers to preserve their identity reflected in their folklore, focusing on the moral, spiritual and historical experience of the people. Analysis of the legends and verbal stories of the old believers of Buryatia showed that the main factor contributing to the preservation of the Semeyskie sub-ethnic community is a commitment to the ancient faith of the fathers. The "ancient Orthodoxy" for the former old believers was the main guide to life, gave the believers moral and physical strength in difficult life situations. A departure from the religious traditions of the fathers is admitted by modern believers and is reproached, as it leads to washing out of the boundaries of sub-ethnic identity.

Keywords: folklore, the old believers, historical legends, verbal stories, sub-ethnic community.

В 2015 г. общественность нашей республики широко отмечает 250-летний юбилей прибытия старообрядцев на землю Бурятии. Масштабность этого события, его общественно-политическую, экономическую и культурную значимость для региона переоценить трудно. Однако интересно проследить, какую оценку прошлым событиям из их истории дают сами старообрядцы в фольклорных текстах: прежние старообрядцы — в преданиях, и современные — в устных рассказах. Ведь именно фольклор сопутствует народу на протяжении всей его истории, и именно в фольклоре мы находим народную интерпретацию тех или иных исторических событий, а также отражение этнической, или

субэтнической, общности.

Русское старообрядчество — феноменальное явление не только в истории России, но и в мировой истории. И всегда перед старообрядцами остро стояла проблема самосохранения. Ориентируясь на дониконовские церковные традиции своих предков, ставя во главу угла труд и семейные ценности, старообрядцы долгое время сохраняли основные элементы базовой русской православной культуры. Русские старообрядцы, отмечает И. В. Поздеева, «сумели сохранить себя в постоянно изменяющейся окружающей их действительности, найти, или скорее, построить свою неповторимую экологическую нишу» [2, с. 13]. Подобная «экологическая ниша», созда-

ваемая прежде всего многочисленными запретами и строгими ограничениями, способствовала сохранению и отеческой древлеправославной веры, и традиционного бытового уклада жизни, и традиционного фольклора старообрядцев, в котором сконцентрирован нравственный, духовный и исторический опыт народа.

В среде старообрядцев-семейских особенно свято сохранялись ценности духовного, религиозного характера. Религия являлась для них главным жизненным ориентиром, давала старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. Именно поэтому в рассказах старообрядцев о прошлом содержатся мотивы, обусловленные религиозной историей старообрядчества, такие как раскол веры, приверженность старым обрядам и обычаям, гонения на старообрядцев и некоторые другие.

Задавая вопросы жителям семейских сел по поводу жизни их далеких и недалеких предков, мы, к сожалению, очень часто слышали в ответ, что, мол, мы этим в молодости не интересовались, не до того было, много работали и т. д. Однако этнически важная информация, в том числе содержащая указание на систему ценностей субэтнической общности, в устной традиции сохранилась и дошла до современных старообрядцев. К такой информации мы можем отнести все, что касается религии/древлеправославия. Именно религия регламентировала всю жизнь старообрядческого села. Соблюдение религиозных норм отражалось и на фольклорной традиции старообрядцев-семейских.

Потомки прежних старообрядцев рассказывают, что, отправляясь в Сибирь, в ссылку или «добровольно» переселяясь, старообрядцы в первую очередь везли с собой старинные иконы и «непереписанные» книги — атрибуты древлеправославного культа, позволявшие отправлять религиозные обряды. Рассказывая о переселении семейских на новое место жительства, Черных М. П. сообщила: *«Деревня (Ягодное. — Е.Т.) заселилась в 1925 году. Из Тарбагатая, из Кордона шли. Везли сундуки, детей и иконы»* (ПМА 1). Последняя фраза очень показательна с точки зрения обозначения приоритетов в жизни старообрядцев: древлеправославие (иконы), труд (сундуки, в них перевозились плоды труда) и семья (дети).

И на новых территориях проживания основной ценностью, материальной и духовной, для старообрядцев были иконы и богослужебные книги как знак, как символ их веры и их страдания за веру. Благодаря этому старообрядцы-семейские до наших дней сохранили многие

старинные иконы, древние книги и рукописные источники религиозного содержания. Поэтому люди, которые в 30-е гг. прошлого столетия принимали участие в разорении церквей, истреблении икон, богослужебных книг подвергались основной частью старообрядцев строгому осуждению, сначала тайному (по понятным причинам), а сегодня — и явному. Отвечая на наш вопрос о сохранении семейскими древлеправославия, информант неожиданно перевела разговор именно в это русло: *«(Притесняли семейских. Но вот сохранили же веру? — соб.) Но сохранили, конечно. Иконы, бывало, с избы вытаскивали, выбрасывали. Которы даже с икон делали собакам гнезда. Разве можно это? Делали, у нас старики делали. Так оне усе пропали. (А почему старики-то делали? — соб.) Так вот, таки были, не верили, что Бог есть. И у бани ставенки делали. Вот, с тридцать седьмого года вот эти старики оставались. И церкви разоряли, усё. (А что им за это было? — соб.) Ну, почти нишиши стали, больные. Всех потянуло их»* (ПМА 2). Информация о том, что некоторые старообрядцы делали из старинных икон собакам будки (гнезда) очень нас удивила, на что информант дала подтверждение: *«Делали, у нас старики делали. <...> И у бани ставенки делали»*.

Из истории известно, что в 20-30-е гг. XX в. молодежь особенно активно начала отходить от религии, вполне искренне считая ее заблуждением отцов и дедов, и принимала активное участие в разорении церквей и уничтожении церковной утвари. В фольклорной прозе старообрядцев, повествующей об этих событиях, традиционными являются мотивы разорения церквей (*церкви разоряли*) и неизбежно следующего за этим наказания (*все «пропали»/стали больными, нищими*).

Однако зафиксированы и другие рассказы, повествующие о том, как старообрядцы избавлялись от икон и богослужебных книг (а по существу, сохраняли их). В семейском селе Ягодное информант Черных М. П. рассказала нам о том, что в семье ее родителей были старинные старообрядческие книги. После смерти матери (это было еще в советские времена) Мария Петровна положила эти книги к ней в гроб. Объяснила информант это тем, что в то время божественные книги были молодым не нужны, в том числе и ей, так как она не умела по ним читать. И чтобы эти книги не осквернили, она положила их в гроб матери. Мария Петровна сообщила и другой интересный факт. После смерти стариков их родственники, люди в то время (советское) не очень верующие, поступали со старинными

иконами следующим образом: они уносили иконы высоко в горы и опускали их в расщелины скал. Делалось это также с целью сохранить святость икон, не дать возможности кому-либо осквернить их (ПМА 1).

Современные старообрядцы осознают, что во времена раскола и в дальнейшей истории их предки принятию «другой веры», т. е. новых церковных канонов, предпочли страдания «за веру Христову», дальний путь в неизведанные края: «А за что ссылали? — соб.) *За веру, наверно. Крестятся православные тремя перстами, а наши двумя, полагается, крестятся. Вера, вера. За это и ссылали. Раскол был какой-то в этом, в православии*» (ПМА 3).

В рассказах старообрядцев, содержащих мотив раскола, явно прослеживаются оппозиции «свое–чужое», «старое–новое», функционирующие в рамках сюжетно-тематического цикла «раньше–теперь». Положительная оценочность рассказчиков направлена на «свое/старое», на соблюдение религиозных и бытовых традиций своих предков. Во всем цикле рассказов старообрядцев оппозиции «свое–чужое», «старое–новое» выходят на новый уровень противостояния — «старообрядчество–новообрядчество». В фольклорных текстах эта оппозиция проявляется на уровне соблюдения/несоблюдения религиозных, а также морально-этических норм, установленных далекими предками: старообрядцы соблюдают/соблюдали раньше — новообрядцы не соблюдают. Известно, например, что у некоторых старообрядческих согласий (например, бегунское согласие) довольно долго существовал запрет не только на съемку в кино или на телевидении, но и на фотографирование. Ортодоксальные старообрядцы не фотографировались даже на паспорт, так как считалось, что запечатленным для лицезрения мог быть только Лик Господень (ПМА 4). Показательно в этом отношении следующее высказывание: «У нас, у семейских, совсем по-другому. У нас щас, если ты Богу молишься, ты ни в телевизоре не должен сниматься, ни петь, ни плясать. (И до сих пор так? — соб.) *А таперь-то все перепуталось*» (ПМА 5). Постепенно происходящая трансформация официальной православной церкви в сторону ее обмирщения, отход от единого церковного канона вызывают неодобрение современных сторонников древнего православия.

Но и отход самих старообрядцев от религиозных традиций также признается ими и также подвергается порицанию. Например, рассказывая о своем многолетнем участии в фольклор-

ном ансамбле «Рябинушка» (с. Ягодное), Улита Григорьевна Сычева не преминула отметить: «*Батюшка не разрешает петь, и телевизор не разрешает. Нам надо такие, божественные, молитвы*» (ПМА 6).

Декларируя в своих рассказах религиозные и бытовые установки, нормы поведения, современные старообрядцы постоянно указывают на то, что раньше все было намного строже, а значит упорядоченнее, что после революции многие религиозно-бытовые запреты стали нарушаться и жизнь от этого становилась греховной, а посему непонятной и бессмысленной. Рассказывая о том, какие усилия прилагали «деды наших дедов» при освоении новых земель за Байкалом, информант делает ремарку: «*А теперь вот как стало — хлебом кормят, хоть и не работаем*» (ПМ 7). С традиционной точки зрения, нарушена логика, жизненный принцип «Кто не работает, тот не ест». Несмотря на объективные, часто положительные изменения в жизни старообрядцев, в их мировосприятии явно ощущается ориентированность на традиции прошлого, порицание современного «греховного» образа жизни.

Выживать на новом месте, при этом самосохраняясь, помогало и то, что старообрядческие религиозные нормы от поколения к поколению передавались закрепленными в знаковых/символических формах, определяющих в том числе и внешний вид человека, и способ его поведения. Хорошо известно, например, что мужчины-старообрядцы не брили бороды и борода стала одним из знаков/символов неприятия старообрядцами нововведений не только в религии, но и в быту, который опять-таки регламентировался религиозными нормами. Символы в народной, и в том числе в религиозной культуре настолько значимы, что в фольклорном тексте отказ брить бороду отождествляется со старообрядческим вероисповеданием: в Сибирь ссылают не за саму веру, а за нежелание брить бороду: «*Нас, семейских, семьями выгнали оттуда (из Польши. — Е.Т.), вот семейские так и называются. Почему? Потому что дед, бабка, сыновья. Бороду не хошь брить — марш в Сибирь, там тебе! (А почему деды бороды брить не хотели? — соб.) А поверие такое. Вера Божия*» (ПМ 8).

В бритье бороды старообрядцы видели отход от религиозных и морально-этических традиций своих предков. Вот что об этом нам рассказали в с. Хасурта: «*Обязательной принадлежностью каждого мужчины была борода. Уставщики говорили, что Бог на иконах изображен с бородой, а человек — это подобие Божие, поэтому*

что Бог дал, то и должно быть, естественно. Поэтому все носили бороду. И даже когда служили в армии (сбривали бороды) и приезжали домой — пока не отрасли борода, в переднем углу, под иконами, кушать не садились, ели за печкой где-то. Вот такая строгость была» (ПМА 9).

Итак, для старообрядцев, 250 лет назад оказавшихся за Байкалом, основным культурным концептом, духовной константой, помогающей сохранять этноконфессиональную идентичность, долгое время являлось древлеправославие. Религиозно-духовное начало старообрядцев не могло не отразиться на их фольклоре как форме сознания и форме отражения специфических черт менталитета народа. В фольклорной

традиции старообрядцев-семейских наблюдается стремление сохранить древнерусские корни. «Базовым, основным для мировосприятия старообрядцев, — пишет по этому поводу исследовательница народной культуры сибиряков Р.П. Матвеева, — была приверженность старине. Культура старообрядцев тщательно сохраняла связь с духовно-культурным наследием Древней Руси, с многовековыми народными культурными традициями» [1, с. 48]. И поддерживать эту связь, а, следовательно, «охранять» границы субэтнической общности, помогало строгое следование древлеправославным канонам, которые фиксировались и передавались от поколения к поколению в том числе и в фольклорных формах.

Примечания

ПМА 1 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Ягодное Селенгинского р-на РБ в июне 2009 г. Информант: Черных М. П., 1930 г.р.

ПМА 2 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информант: Филиппова П. А., 1929 г.р.

ПМА 3 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в июле 2001 г. Информант: Сучков С. П., 1934 г.р.

ПМА 4 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информация получена от Шевченко З. Н., 1930 г.р., которая сама никогда не фотографировалась и поэтому не имеет паспорта и одна из последних на селе постоянно носит семейскую одежду.

ПМА 5 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в июле 2001 г. Информант: Мясникова А. Е., 1926 г.р.

ПМА 6 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Ягодное Селенгинского р-на РБ в июне 2009 г. Информант: Сычева У. Г., 1935 г.р.

ПМ 7 — Полевые материалы Потаниной Р. П., Гавриловой Р. А. Фольклорная экспедиция в с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ в апреле 1971 г. Информант: Сластина С. А., 1898 г.р.

ПМА 8 — Полевые материалы Кушнарева Л. Л., Жарниковой Н. В. Фольклорная экспедиция в с. Бичура Бичурского р-на РБ в июле 2003 г. Информант: Ястреб Г. А., 1929 г.р.

ПМА 9 — Полевые материалы автора. Фольклорная экспедиция в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в апреле 2001 г. Информант: Иванов В. Ф., 1966 г.р.

Литература

1. Матвеева Р. П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — 124 с.

2. Поздеева И. В. Традиции и новации в истории, культуре и жизни русского старообрядчества // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — С. 13–21.

References

1. Matveeva R. P. *Narodno-poeticheskoe tvorchestvo staroobryadtsev Zabajkal'ya (semeyskikh)* [People's poetry of the Transbaikalian Old Believers (Semeyskie)]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2005. 124 p.

2. Pozdeeva I. V. *Traditsii i novatsii v istorii, culture i zhizni russkogo staroobryadchestva* [Traditions and innovations in the history, culture and life of the Russian Old Believers]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi* — *Old Belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign connections*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2007. Pp. 13–21.